

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕРМИ И ПЕРМЯКОВ В 1930–1960-е ГОДЫ

В промтоварном магазине.
Фото из фондов ПКМ

В последние годы очень популярным в исторической и историко-публицистической литературе становится жанр истории повседневной жизни.

Невнимание и даже определенный запрет на данную тематику в предшествующие десятилетия объясняется в первую очередь так называемым «классовым» подходом к изучению истории, особенно ее «советского» периода. В результате огромный интереснейший пласт бытовой, повседневной жизни человека оставался за бортом исторического исследования. Не является в этом отношении исключением и наша пермская повседневность.

Не претендуя на академичность исследования, наша редакция разработала анкету, включающую ряд вопросов, обращенных к пермякам разных поколений:

Что представляли из себя улицы Перми 40, 50, 70 лет назад? Как люди одевались, чем питались, где и как доставали предметы первой необходимости? Как в условиях почти полного отсутствия городского транспорта до-

бирались до работы, какие фильмы смотрели в кинотеатрах, что ели в столовых, какие зарплаты были у простых пермяков и что на них реально можно было купить? Как в действительности обстояла ситуация с преступностью, как менялось отношение к семье и браку, каковы были нравы в бараках и коммуналках? Где стирали белье и в какие бани ходили,

в каких больницах лечились и как проводили праздники?

Главным объектом данного исследования предполагаются не экономические явления и политические процессы, а рядовой человек с его каждодневными проблемами.

Сегодня мы публикуем несколько адаптированных ответов наших уважаемых респондентов.

Театральный сквер, 1950-е годы. Фото из фондов ГАПК

**МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА
ШЕВАЛДИНА (СМЫШЛЯЕВА)**

**Родилась в 1930 году
в Перми. В 1948 году поступила
в пединститут. Всю жизнь
проработала преподавателем
иностранных языков в Пермском
медицинском институте**

Дороги в городе были в основном немощеные, пыльные. Деревянные тротуары (из досок), вдоль дорог канавы, в которые стекала вода. В канавах играли дети. Но город был довольно зеленый. За уборкой улиц у частных домов следил участковый. Моя бабушка каждый день мела около дома, убирала снег.

Дома в городе в основном были деревянные, в один-два этажа. Каменные дома дореволюционной постройки присутствовали только на центральных улицах — Ленина и Карла Маркса. В них размещались магазины и учреждения. Новых домов строили мало, в основном в поселке Сталинского завода.

В центре — только три многоэтажных дома. Один пятиэтажный на углу улиц 25-го Октября и Большевистской (Дом горсовета), гостиница «Семиэтажка» («Центральная») и Дом чекистов на Карла Маркса. Водопровод был в очень немногих домах. Воду брали из колонок или из специальных будок (были в городе такие будочки-домики, в которых сидели обычно женщины и наливали воду). Во дворах некоторых частных домов имелись колодцы, воду из которых использовали для стирки и мытья полов.

Наша семья состояла из четырех человек (папа, мама и две дочери) и занимала квартиру в каменном доме по ул. Луначарского, 11 (до революции этот дом принадлежал какому-то купцу). Квартира состояла из двух очень просторных комнат и кладовой. Потолки были высокие — 3 м, огромные окна, деревянный балкон. Окна выходили во двор, в садик, где росли яблони и сирень. Кухня и туалет — общие.

Всего в коммуналке проживали девять семей. В квартирах были голландские печи, а на общей кухне

Маргарита Михайловна на крыльце дома Луначарского, 11

— русская печь, которую топили по очереди. Дрова хранились в дровяниках во дворе. Так же по очереди все хозяйки мыли кухню, туалет и общие коридоры. Ссор и скандалов не было. Позднее, в конце 1950-х годов, в дом провели газ, установили две плиты на восемь конфорок.

До войны в магазинах всего было полно. Помню разнообразные рыбные консервы, варенье и компоты в банках. Сливочное масло стоило 25 рублей, молоко 2 рубля 10 копеек. В рыбном магазине на Карла Маркса и Кирова

в специальных емкостях плавала живая рыба, была красная икра в бочонках по 37 рублей за килограмм, ее брали только для гостей, поэтому она вечно была несвежая, прогоркшая. В 1948–1952 годы после денежной реформы и «сталинского» снижения цен трехлитровая банка виноградного сока стоила 1 рубль 20 копеек, бисквитные торты — от 1 до 3 рублей. Мороженое продавали в киосках: такие круглые вафельки, между двух вафелек накладывали мороженое из молочной фляги. Стоило оно от

Маргарита Михайловна с подругами, начало 1950-х гг.

Пикник в Верхней Курье 1950-е гг.

20 до 50 копеек, в зависимости от размера. На улице Красноуфимской (Куйбышева) стояли лотки, с которых продавали конфеты поштучно (на 1 копейку по две конфеты, бежевые карамельки).

Яиц и кур в магазинах не было, их можно было купить только на рынке и стоили они дорого. До войны по городу ходили старьевщики, собирали утиль, предлагали на обмен товары, которых не было в продаже, например клеенку на стол.

Во время войны на рынке была уйма топленого молока, стои-

ло оно 200 рублей за четверть (три литра). С молоком в городе проблем не было до хрущевских времен, когда запретили держать скот в городах и рабочих поселках. В Перми коров держали в основном за Камой, в Курье.

За все время институтской жизни (1948–1952 годы) у меня были только два шерстяных платья, одно — выходное из японжа и пара летних. Мама постоянно перекраивала и перешивала их, чтобы выглядели как новые: то бантиком украсит, то галстуком,

Маргарита Михайловна с мужем Эммануилом Борисовичем на крыльце галереи

то вышивкой. Одним словом, «голь на выдумку хитра».

В конце войны мы каждый по-недельник с подругой ходили на симфонические концерты (они проходили в оперном театре), абонемент стоил 3 рубля на шесть или десять посещений. В пединституте для нас бесплатно давали концерты оперные певцы. Концерты проходили и в Смышляевской (Пушкинской) библиотеке. Да и в вузах было много своих творческих кружков, которые вели профессиональные актеры из драматического и оперного театров.

Однажды, помню, пришли в библиотеку на концерт знаменитого пианиста Эмиля Гилельса. К пианино подошел какой-то бедно одетый мужчина — в бумажном костюме и в валенках, и стал пробовать инструмент. Ему говорят: «Отойди, парень, пианино испортишь!». Он отошел. А потом объявляют: «Пианист Эмиль Гилельс». И выходит этот самый парень в валенках...

Оперный театр у нас был чудный. Во время войны там выступали артисты Кировского Ленинградского театра. Билеты на один спектакль стоили 1 рубль 20 копеек.

У драматического театра долго не было своего здания, и спектакли шли на сцене Дома офицеров или во Дворце им. Сталина. Репертуар был очень разнообразный: и классика, и современные пьесы.

Мы с подругой вдвоем часто ходили в театр, спектакли заканчивались поздно, так как антракты были по 30–40 минут (долго меняли декорации). Опера Дж. Верди «Дон Карлос» шла шесть часов (с 8 часов вечера до 2 ночи). Обычно домой возвращались в двенадцать час ночи. Ходить не боялись — нас никто никогда не трогал.

А еще помню в 1942–1943 годах мы с дедом жили на берегу Камы в брезентовой палатке (дед ловил рыбу) между Верхней Курьей и Заозерьем. И однажды в 12–13 лет я осталась совсем одна, и никто меня не обидел. И взрослые не боялись оставлять детей одних.

А вот после смерти Сталина преступность стала заметно расти, особенно грабежи и изнасилования.

Маргарита Михайловна и Эммануил Борисович

В Доме пионеров, в бывшем особняке купчихи Любимовой на Большевицкой, было много кружков, там я училась игре на фортепиано (бесплатно). Новогодняя елка устраивалась в каждой школе и в Доме пионеров. В зимние каникулы был расписан каждый день, шли куда-нибудь на елку: к подругам домой, в школу, к соседям, к знакомым родителей.

В 1930-е и в 1950-е годы семья пермяков часто выезжала в выходные на пикники в Верхнюю Курью. Брали с собой провизию, гитары, гамаки. Отдыхали, пели песни.

До войны Сталинский завод, где работал отец, устраивал мас-

совки за городом с доставкой на машинах. Там на природе устраивались банкеты со столами, как в кино «Веселые ребята». Все это было бесплатно, за счет профсоюзом. Путевки в дома отдыха тоже были бесплатные. Даже подарки детям студентов в пединституте были бесплатными, опять же за счет профсоюза.

Три раза я ездила в пионерский лагерь: в санаторный лагерь в Башкултаево, в лагерь «Светлана» в Нижних Муллах и в Троицу. В Троицу поехала как раз в июне 1941 года. О войне мы узнали через неделю после ее начала, когда директор съездил в город за продуктами. Вернулся и сообщил:

Маргарита Михайловна справа, середина 1940-х гг.

«Товарищи, оказывается, война началась»... Но паники никакой не было. Думали, что эта война будет короткой, наподобие Финской, что наши очень-очень быстро одержат победу.

Во время войны, когда был голод, родители продали новый женский шевитовый костюм за 2 тысячи рублей, а на эти деньги купили хлеба и топленого масла. Буханка хлеба тогда на рынке стоила 200 рублей. Вместо сахара давали шоколадные конфеты, я делила конфетку на шесть-семь частей, чтобы на подольше хватило. Во время войны грядки были почти во всех дворах, а от работы выделяли участки земли за городом, на которых сажали картошку.

А 9 мая 1945-го, когда узнали о Победе, помню, все вышли на улицы. Ходили, смеялись, плакали, обнимались с незнакомыми людьми, поздравляли друг друга.

В Перми в 1940-е годы было пять кинотеатров: «Комсомолец» — на улице Коммунистической, «Красная Звезда» — на Комсомольском проспекте, «Победа» — на Советской, «Горн» — в Мотовилихе и «Художественный» — на Ленина.

Школы в то время делились на женские и мужские, а вечера проводились совместные. Многие школы находились там же, где и сейчас. 9-я и 11-я школы были мужскими, 21-я и 17-я — женскими. При школах и пяти институтах (медицинском, фармацевтическом, стоматологическом, педагогическом, сельскохозяйственном) и университете было много кружков. Очень сильный драмкружок был при школе №7 (школа находилась там же, где сейчас), ставили такие серьезные спектакли, как «Борис Годунов», «Анна Каренина».

В 1948 году мы на облигации выиграли 10 тысяч рублей. Купили пианино, приемник с радиолой и поехали всей семьей на теплоходе до Астрахани. В Сталинграде дома разрушенные уже убрали — были одни цветники на набережной, осталась только одна стена разрушенного дома на которой краской было написано «Сталинград».

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА БИЛЕВА

В 1948 году приехала из поселка Майкор и поступила в Пермский коммунально-строительный техникум. После окончания техникума поступила на работу в Облжилкоммунстрой на должность инженера с окладом 700 рублей. Муж, окончив юрфак, начал работать следователем. Его оклад был 630 рублей.

В то время в Перми были в основном деревянные тротуары и грунтовые пешеходные дорожки. Правда, улица Карла Маркса и частично Ленина были заасфальтированы. Деревьев на улицах было немного. Зеленых газонов и клумб практически нигде не было. Улица Карла Маркса была излюбленным местом сбора горожан. Мы почти ежедневно гуляли по ней, начиная сверху и спускались до Козьего загона (сейчас сквер Решетникова), а затем снова поднимались к Горьковскому саду. Иногда заходили в Театральный сквер. Кого только не встречали во время прогулки! Если хочешь кого-нибудь «нечаянно» увидеть — иди на Карла Маркса или к театру и обязательно столкнешься. Улицы в центре были довольно чистыми, обихожеными. Дворники убирали территории, принадлежащие административным зданиям и жилым коммунальным домам. В частном секторе уборка улиц производилась жильцами. За чистотой следил участковый милиционер. Если владелец частного дома вовремя не убрал снег с пешеходных дорожек, ему делалось замечание и даже мог быть выписан штраф.

Общежитие техникума располагалось в деревянном здании по ул. Островского (впоследствии здание Угольного института). В комнатах проживали от пяти до восьми человек. Отопление было печное. Водопровода и канализации не было. Топить печь и приносить воду с колонки входило в обязанность дежурных. Печь в жилых комнатах топили дровами, а кухонную печь растапливали каменным углем. Распилкой дров занимались

В гостях. Фото из фондов ПКМ, 1954 год

студенты-юноши. Стирали и сушили белье на кухне. Нижнее белье девушки сушили в комнатах кто как мог. Мыться ходили в баню. Сколько стоил билет, уже не помню. Стипендия на первом курсе была 130 рублей, на втором — 140, на третьем — 150, на четвертом — 160. Жили почти впроголодь. В праздник лепили пельмени с картошкой. Селедка и винегрет считались праздничной едой. Со стипендии покупали булочки и обязательно шли в театр (чаще оперный) и, конечно же, лакомились мороженым. Билеты в театр на галерку стоили от 1 до 2 рублей.

В будни обычно ели тюрю: хлеб, размоченный в подсахарен-

ной воде. Обедали в студенческой столовой. Чаще всего довольствовались кашей и чаем с булочкой. Налегали на хлеб с горчицей. В столовых они стояли на обеденных столах, и за них не надо было платить.

Студенты, как, впрочем, и большинство людей, одевались более чем скромно. Обувь на каждый сезон — в лучшем случае по одной паре. Летом — баретки (тканевые тапочки на резиновой подошве со шнуровкой), зимой — валенки, осенью и весной — резиновые сапоги. Особый шик — сапожки на каблучке. Но каблук в резиновых сапогах был полый (пустоту в каблучке заполняли тюремком из-под

В продовольственном магазине. Фото из фондов ПКМ

швейных ниток). Сапоги были родными братьями калош, которые надевались прямо на туфли. Но редко у кого из нас тогда были настоящие туфли, да еще на каблуках. А модничать хотелось!

Одежда тоже была очень скромной, часто самосшитой. Моя мама была очень хорошей портнихой. Мне завидовали. Мои платья побывали почти на всех свиданиях (каждой девушке хотелось быть красивой, поэтому на свидание подружек «собирали всем миром»).

Окончив третий курс, я вышла замуж. Муж учился в университете на юридическом факультете. Из общежития перешли жить на съемную квартиру. Это была комната на чердаке в деревянном доме по улице Пушкина. Дом был большой, густонаселенный, ранее принадлежавший какому-то купцу. В одной из комнат (проходная без окон) жила бывшая прислуга бывших хозяев. Тихая женщина. Она все надеялась, что хозяева вернуться, следила в доме за порядком. За комнату платили 100 рублей в месяц. Мебель состояла из кровати, старенького письменного стола и двух стульев. «Диван» соорудили из старого сундука и простыни. Кухонный стол сколотили из досочек. На нем стояла электроплитка. Занавески на окна сама сшила из марли вручную. Позднее мама подарила оконную занавеску с ришелье. Комната была метров шесть квадратных, но гости приходили почти ежедневно. Мы слыли счастливицами, так как у нас был радиоприемник «Балтика». Он-то и притягивал к нам гостей.

В это голодное для нас время мы начали собирать библиотеку. Не помню, сколько стоили книги. Видимо, недорого, поскольку библиотека быстро росла. Отдельную двухкомнатную квартиру мы получили в 1960 году в Мотовилихинском районе по улице Культуры (ныне улица Лебедева). Дом был построен по ленинградскому проекту. Это было последнее полнометражное здание в городе. После началось строительство так называемых хрущевок.

До постройки дамбы добраться из центра в Мотовилиху было

очень проблематично. Из Разгуляя через овраг по железному мосту проходила одноколейная линия трамвайных путей. Сначала один трамвай переезжал мост, только после этого его мог пересечь встречный состав.

После войны, когда отменили карточки, набор продуктов в магазинах был скудный. Кое-какие крупы, подсолнечное масло; хлеб и муку покупали наудачу. Прилавки стали наполняться в 1950-е годы. Но цены были высокие, а зарплаты, тем более стипендии, очень низкие. Помню, по городу было много киосков, где продавали пиво. С внешней стороны всегда висели огромные связки вяленой воблы. Мы лишь облизывались на нее. Думаю, стоила она недорого, но у бедных студентов и на нее не было денег. Удивительно для сегодняшнего дня, но никто в то время даже не пытался украсть хотя бы рыбку. Кражи тогда были большой редкостью. В войну карточки

воровали, да, это было, но, видимо, от отчаянья. А после войны кражи случались очень редко.

В те годы наиболее популярным в Перми был гастроном №1 на углу улиц Ленина и Карла Маркса. Огромные пирамиды крабовых консервов разных сортов поднимались чуть ли не до потолка. Цену их не помню, но, видимо, она была не очень высокая, так как изредка, по праздникам, покупали. За стеклянными полукруглыми витринами лежали разные виды соленых лососевых рыб, начиная от семги. Сельдь тихоокеанская слабосоленая, черная и красная икра красовались в белых эмалированных лотках. Они продавались на вес. Икру и сельдь привозили в гастроном в деревянных бочках. В других магазинах их продавали прямо из этих бочек. Но все это было нам не по карману. Нет, селедочку к празднику все же покупали. Мясо в гастрономе было, но за ним стояли очереди. Люди старались взять то,

Кинотеатр

В хлебном магазине. Фото из фондов ПКМ

что подешевле. Мясо чаще брали почему-то в «Мясном» магазине на Карла Маркса. Мясо по 12 рублей быстро разбирали, относительно свободно была говядина по 18 рублей и свинина по 20 рублей с лиш-

ним. Пользовались популярностью котлеты. Опять же очереди за ними огромные! Спрос был и на ливерную колбасу. Она была вкусной, с сегодняшней не сравнить. Конфет был большой выбор: шоколадные, ирис, мармелад, пастила, карамель. Мы покупали только «Кавказские». Кажется, это помадка в тоненьком слое шоколада. Стоили конфеты дешево, потому мы их и любили. На углу улицы Кирова и Карла Маркса находился рыбный магазин. Выбор был небольшой, но какую-то рыбу покупали, кажется, речную. Был на Карла Маркса и магазин «Овощи». Но свежие овощи здесь продавались только осенью. В остальное время года на витрине стояли овощные консервы (кабачковая икра, например), соки, компоты. Фруктов, можно сказать, в свободной продаже не было. Осенью ими коротко торговали. Придет баржа — от силы пару недель торгуют арбузами, сливой, яблоками, виноградом. Яблоки, мандарины, апельсины — все привозили из московских командировок. Там за ними тоже в очередях стояли. В 1950-е и 1960-е годы и за молоком стояли в очередях. В 1950-е хлеб продавался и черный, и белый, и серый. Проблемы с хлебом начались в 1960-е годы, при Хрущеве. Опять очереди, да какие! Занимали очередь в «Хлебный» чуть ли не на рассвете, затем убежишь с работы, сделаешь отметку хими-

ческим карандашом на руке, и в обед, глядишь, купишь белый хлеб, если повезет. С черным чуть лучше было. Вместо хлебобулочных изделий в бакалеях появилось «кукурузное лакомство» для детворы — воздушная кукуруза и кукурузные хлопья. Появились горы вяленых фиников — 80 копеек за килограмм. Зато мясо исчезло окончательно. На рынке, кажется, было почти все, кроме деликатесов. Но из нашего круга практически никто туда за продуктами не ходил. Ну, может быть, по какому-то особенному случаю или разве только за овощами. Свои овощи мало кто выращивал. Земли не было почти ни у кого. Точнее, у тех, кто не жил в частном секторе и не имел огородов. Так называемые мичуринские участки стали широко давать, наверное, в конце 1960-х.

В 1960-е годы в магазинах было невозможно купить яйца. Мама, живя в сельской местности, держала кур и, приезжая в город, она обязательно привозила десятка три-четыре яиц. Это был праздник! Яйцо берегли для стряпни (дешево, сытно, вкусно). Позволить себе яичницу — роскошь. Яйцо появилось в свободной продаже в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда построили Пермскую и Менделеевскую птицефабрики.

В магазинах одежды преимущественно была продукция фабрики «Пермодежда». Скучно и однообразно. Благо, мама была портниха. Подружки шили либо сами, либо в ателье (чаще в «Ладе» на Комсомольском проспекте), либо, когда мама приезжала в гости, уговаривали ее сшить. Наиболее посещаемые промтоварные магазины в то время — это, пожалуй, «Одежда» на Карла Маркса и так называемый «Железнодорожный» магазин на улице Советской. Какие фабрики выпускали обувь, я не помню. Помню только, что купить обувь ленинградской фабрики «Скорострой» считалось большой удачей. Кажется, в 1960-е появилась чешская обувь. Туфли-лодочки стоили от 30 до 45 рублей. Баснословная цена! Копили, выкручивались, но по одной паре уже имели. Бытовая техника появилась в продаже тоже где-то в 1960-е.

«Красная Звезда». Фото из фондов ГАПК

В нашем кругу первые холодильники на кухнях появились именно в это время. Стояли за ними по полтора-два года в очереди. Отмечаться надо было раз в месяц. При выходе на «стартовую прямую» походы в магазин для отметки учащались до одного раза в неделю, а когда партия тех же холодильников была «на подходе», нужно было отмечаться каждый день. Отсюда возникло такое явление, как блат. И мы им пользовались, когда он у нас был. Подобным образом приобретались телевизоры, ковры, диваны, автомобили, модная обувь и одежда. В нашей семье холодильник б/у появился где-то на рубеже 1969–1970 годов. Телевизор еще позднее.

В 1960-е годы наш гардероб немного расширился. Появились зимние ботинки, осенние туфли, босоножки летом и даже выходные (или театральные) туфли. Выходной костюм и нарядное платье уже у многих были в гардеробе. Хотя с мужскими костюмами было сложнее. Чаще костюм одновременно был и рабочим и выходным. Новинкой в мужском гардеробе стали в конце 1960-х годов нейлоновые рубашки.

Отпуск в 1950-е годы большинство проводили в городе или у родственников в деревне. Ездили на пляж в Курью (пользовались переправой или пассажирским катером), устраивали пикники в Балатовском лесу. На камгэсовский пляж ездили электричкой. В выходные она была переполнена так, что двери не закрывались. К Камгэсу состав приходил набитый битком. Втискивались в тамбур с трудом. Страх, что тебя нечаянно могут столкнуть, заставил отказаться от пляжных поездов. Слишком маленькие были тогда дети.

Ездить на юг начали только в 1960-е годы, чаще по профсоюзной путевке. Если семьей, то «дикарями». Питались в столовых относительно недорого, но из экономии старались снять комнату с кухней, то есть иметь возможность готовить «дома».

В 1950-е годы основным транспортом в Перми был трамвай. Вагоны были деревянными, без подогрева, двери закрывались

Колхозный рынок, начало 1960-х годов

вручную. Пермский трамвай в те годы был всегда переполнен. Пассажиры «гроздьями» висели на подножках, так как ходили трамваи довольно редко. В часы пик сесть в вагон было ой как непросто! Поэтому мы с мужем ходили на работу пешком. Он на улицу Коммунистическую, а я на угол Орджоникидзе и Куйбышева. Это примерно ходьбы быстрым шагом минут 45–50. Дочь вынуждены были отдать в сад-интернат и забирать домой лишь на выходной. Мера вынужденная, но иного выхода не было. Детсад находился на углу Куйбышева и Белинского. До сада добираться нужно было с пересадкой. Висеть с ребенком зимой на подножке невозможно (трамвай на нашу остановку приходил уже переполненным). Летом, чтобы не оставлять дочь в детском саду, если не удавалось втолкнуться в трамвай, от Разгуляя до Белинского шли пешком. Я на работу потом бежала как угорелая. И так каждый день. Трамвайных маршрутов было мало. Один маршрут ходил от Мотовилихи до Разгуляя, другой — от Разгуляя до завода им. Сталина (Свердлова). Кажется, был из центра маршрут и на «Красный Октябрь». Когда где-то в 1960-е по Комсомольскому проспекту пошел троллейбус, мы ликовали! Такси практически не пользовались, было не по карману. В редчайших случаях брали

такси: засидевшись в гостях до прекращения работы общественного транспорта, ночной поезд и т.п., но это уже в 1960-е годы.

Обедали обычно в столовых. Наш строительный трест ходил в военторговскую столовую на Орджоникидзе. Там было два зала: один для офицеров, другой — общий. Готовили вкусно. Обед выходил копеек на 50, иногда «шиковали» копеек на 70–80. Гречневая каша — большая редкость и общелюбимый гарнир. К концу рабочего дня бегали в столовую купить пончики и другую выпечку к чаю. К дополнительному 15-минутному перерыву начальство относилось лояльно. Выпечка продавалась очень вкусная и стоила недорого, буквально копейки. В кафе и рестораны мы никогда не ходили. Дорого. Первый раз попала в ресторан уже в 1970-е годы. Самым популярным был ресторан «Кама». «Нева» считалась попроще, но тоже была на слуху. Опять же люди моего окружения не могли позволить себе поужинать в ресторане или отметить там день рождения.

Не помню какого-либо страха, каких-либо разговоров про преступления ни в 1950-е, ни в 1960-е годы. Хотя муж работал в прокуратуре, никаких наказов, когда и куда не следует ходить, не было. Ключ от входной двери оставляли детям под ковриком в подъезде. Так, кажется, поступала половина города.

Так люди добирались на работу. Фото из фондов ПКМ

Еще студентами и вплоть до рождения старшей дочери любимыми кинотеатрами были «Художественный» и «Комсомолец». Иногда посещали «Победу» и кинозал Дома офицеров. Стоимость билета на вечерний сеанс где-то копеек 25. Когда стали жить с мужем в Мотовилихе, чаще стали ходить в «Молот». В 1950-е годы фильмы шли подолгу, думаю, по месяцу — не меньше. Обычно в прокате шли фильма три. Одни фильмы шли повторно, другие — новые. Билеты купить было трудно и на те и на другие, но на премьеры особенно. Хочешь по-

смотреть только что вышедший на экраны фильм, побеспокойся о билетах заранее. В кино ходить любили! В 1960-е годы в прокате фильмов стало побольше, а шли на экранах по времени уже чуть меньше. Быстрее стали меняться названия на афишах. Появились детские сеансы, билет на них стоил 10 копеек. Интерьеры в кинотеатрах были довольно безликие. Не могу вспомнить что-то такое, что бы запомнилось. Первым выбившимся из общего ряда похожих друг на друга киношных интерьеров стал кинотеатр «Кристалл».

С таких тележек обычно продавали мороженное. На тележке написано Молотовский трест столовых. Чайная №3. Фото из фондов ПКМ

Следующий наш респондент из другого времени и другого поколения

ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВИЧ БЕЛЯЕВ

55 лет. Проживает в Перми с 1960 года. Работал в пожарной охране в должности инспектора и старшего инспектора; на Пермском заводе «Машиностроитель» (ранее — ПЗХО) термистом, заведующим детским спортивным клубом «Искра», председателем коллектива физкультуры «Скиф», начальником отдела социального развития; заместителем председателя комитета по физической культуре и спорту администрации города Перми

С 1960 по 1977 год мы жили в микрорайоне Костарево в частном доме; два года — в доме гостиничного типа (комната площадью 9 кв. м) в микрорайоне Молодежный; десять лет — там же в микрорайоне Молодежный в однокомнатной квартире (11 кв. м); с 1989 года — в микрорайоне Вышка-2 в двухкомнатной квартире (общая площадь 51 кв. м). Когда жили в «частном» секторе за водой ходили на колонку; дрова, а потом уголь, покупали; баня была своя.

Магазины в 1960-е годы «отличались» скудным ассортиментом. Из продуктов главным образом покупали: хлеб (14 и 20 копеек), колбасу по 2-20 или по 2-90, соль, сахар и мясо. За молоком приходилось ходить в Рабочий поселок (28 копеек за литр). Все остальное выращивали на своем огороде: картофель, лук, чеснок, огурцы, помидоры, яблоки, крыжовник, смородину, викторию и т.п. Держали кур. О наличии в те годы у кого-то стиральных машин или холодильников я просто не слышал. Стирала в бане или ходила на колоду. Продукты хранили в овощной яме или в погребе.

Телевизоров в 1960-е годы на нашей улице было считанное

количество, в основном КВНЫ и «Рекорды». У некоторых имелись проигрыватели грампластинок или радиолы.

Что касается ширпотреба, он в те годы тоже не отличался разнообразием. Промтовары запомнились своей простотой и дешевизной. Одежда и обувь в продаже были «хмурых» тонов. Смотрелись, мягко говоря, не очень. Насколько помню, особо модных вещей жители Костарево не носили. А вот хорошие грампластинки были в цене. Как правило, они стоили два-три номинала.

Живя в поселке Костарево в 1960-е годы, городской транспорт мы видели только тогда, когда пешком выбирались в Рабочий поселок или на улицу 1905-го года. Происходило это нечасто. Если и ездили, то чаще на трамвае. Стоимость проезда была 3 копейки.

В те годы ни о каких кафе и ресторанах я не думал. Мы, пацаны, любили пирожковую на улице 1905-го года. Когда бывали в той стороне, обязательно ее посещали. Пирожки «Уральские» по 10 копеек казались нам объединением. Самым же популярным рестораном был «Металлург» на теперешней улице Лебедева, а чуть позже — «Горный хрусталь», но помню это только по разговорам взрослых.

Что касается преступности в те годы — были и случаи разбойных нападений, и убийства, впрочем, как и слухи о различных бандах (в газетах в то время об этом не писали). В нашем поселке, нецивилизованном и бедном, было много уличной шпаны. Обычным явлением были драки «стенка на стенку» между нашими пацанами и парнями с Висима и Коноваловских Пашен.

Театры для нас были чем-то далеким, недостижимым. Разве что иногда бывали на спектаклях и концертах в детском Доме культуры на улице 1905-го года. Что касается кино, то мы старались не пропускать ни одного нового фильма, которые демонстрировались в кинотеатре «Горн». Особенно запечатлелись в памяти

Кондитерский отдел Центрального гастронома, 1971 год. Фото из фондов ГАПК

фильмы про Фантомаса. Сейчас сериал о Фантомасе относят к жанру комедии, тогда для нас это был настоящий фильм ужасов. О Фантомасе говорили все и везде. Многие в то время считали, что показ фильмов о Фантомасе спровоцировал всплеск преступности...

Помню, в кинотеатре «Горн» работал буфет: газированная вода с сиропом, выпечка и сладости. Сам же кинотеатр был убогим: стены, полы, окна были обшарпанными, невзрачными.

Как проводила досуг молодежь? Все свое свободное время — на улице. Играли в футбол, хоккей, лапту, в «Двенадцать палочек», «Цепи кованые»; гоняли «попа». Конечно же, играли в войну. Когда повзрослели, стали ходить на танцы, опять же пешком в сад Свердлова.

Редакция выражает благодарность Наталье Дубровских (Смышляевой), Наталье Плотниковой (Билевой), Валерию Беляеву за предоставленные материалы. Публикация подготовлена Валерией ЗИЛЬБЕРМАН

Улица 1905-го года, 1960-е годы. Фото из личной коллекции Ю. Рейхардта